

Елизавета Тихеева

КАК ЧИТАЮТ ДЕТИ И КАКОЙ ОТ ЭТОГО ПРОИСХОДИТ ВРЕД

Тихеева Е. Как читают дети и какой от этого происходит вред // Воспитание и обучение. 1897. № 10, окт. С. 383–410.¹

1.

В ряду различных вопросов воспитания вопрос о детском чтении занимает одно из первенствующих мест. Важность и значение его всеми сознается. Стараниями многих потрудившихся над его разработкой лиц им заинтересовались семья и школа. Теперь каждый мало-мальски убежденный и преданный своему делу воспитатель если не в частностях, то в общем, разделяет его основные, школой и воспитанием выработанные тезисы. А тезисы эти таковы: чтение должно служить развитию ума, чувства и эстетического понимания ребенка, должно способствовать расширению умственного и научного кругозора его, должно знакомить его с жизнью, должно соответствовать его развитию и индивидуальности; в нем должна быть система, оно требует руководства, проверки воспитателя; оно не должно быть праздной забавой, а должно служить единовременному и равномерному развитию всех сторон духа детей.

Многие оспаривают безапелляционность того или другого из перечисленных положений; так, напр., расходятся во взглядах на значение сказки, на степень ограничения свободы ребенка на выбор материала для чтения. Но в общем вопрос о детском чтении получил все права гражданства. Особенно посчастливилось той половине вопроса, которая вырабатывает, что следует читать детям. Если оглянешься назад и сравнишь в этом отношении век нынешний и век минувший, то невольно является желание сказать спасибо всем тем, которые своей коллективной неустанной работой двигали и двигают это дело понемногу вперед. И теперь, правда, дети читают многое, не могущее способствовать развитию в них чувства прекрасного, облагородить их ум и сердце; книжная рыночная литература продолжает выпускать ежегодно негодные, часто глубоко возмутительные, невежественные произведения, но дети,

чтение которых находится хотя бы под слабым контролем, могут избежать этой литературы, и к услугам их все же останется много прекрасного и ценного материала. Для них издаются хорошие журналы, для них пишут талантливые, на высоте своего призвания находящиеся писатели; наконец, к их услугам находится большая санкционированная разумным выбором часть мировой литературы. Далеко не так счастливы были дети прошлого, даже не очень отдаленного времени. Достаточно упомянуть о господствовавшем с прошлого века вплоть до последних годов направлении детской литературы, полагавшем воздействовать на ум и чувства ребенка путем лживой морали, путем рассказа á la m-me Жанлис. Теперь, благодаря Богу, направление это уже отжило свой век, а если и проявляет себя в редких, больше от бесталанности зависящих случаях, то вызывает дружное и горячее порицание. Возьмем другую область детской литературы прошлого времени, долженствующую знакомить детей с Божьим миром. Большинство столь обильно проявлявшихся популярно-научных статей представляли собой перефразировку учебников; от них веяло скукой, сухостью; литература эта немногих чему-либо научила. Теперь понимают, что подобными статьями ни в ком интереса к науке не возбудить; научная популярная статья совсем преобразилась и достигла значительной степени совершенства. Что же оставалось у детей прошлого действительно хорошего и ценного? Да очень немного. Были всегда народные сказки; в конце прошлого века, кроме них, один Робинзон; в начале нынешнего явились сказки Пушкина, в 30-х годах для них потрудились Дедушка Ириной, Ершов, затем явились Андерсен, Ж. Занд². На наших глазах уже явилась Анненская, Вовчек, Тур, взялся за перо Кот Мурлыка³, появились переводы лучших иностранных авторов; и нынешние дети, пользуясь всем этим наследием своих предшественников, имеют истинных друзей в лице Станюковича, Мамина-Сибиряка, Потапенко, Сливицкого, Засодимского, Кайгородова⁴ и мн. др. Правда, дети всегда могли читать мировую художественную литературу и, с точки зрения лиц, отвергающих всякую специальную детскую литературу, быть даже в выигрыше. Но и с этой точки зрения дети прошлых поколений росли в худших условиях. Просвещение едва нарождалось, книг было мало, библиотек никаких. Большинство детей росло, не имея понятия о великих творцах мысли и слова; меньшинство, имевшее к ним доступ, не могло разобраться в массе разнородного материала, найти в ней точку опоры; оказать же им в этом помощь мало кто думал. Дети нашего времени много счастливее: все входящее

теперь в жизнь молодое поколение росло, воспитывалось и читало, имея уже полную возможность воспринять влияние новых, здоровых взглядов на значение и постановку детского чтения, влияние многих легко им доступных книг. Пора бы проявиться некоторым хотя бы слабым, но несомненным положительным результатам. Но, со вниманием приглядываясь к окружающим нас детям и еще больше к вышедшему уже из детства молодому поколению, замечаем ли мы эти желанные результаты? Видим ли мы в них более глубокое художественное понимание прекрасного, любовь к истине и красоте, правдивую оценку ничтожества и бездарности?

Ничего этого нет; современные дети ничем не лучше своих предшественников. Отчего же это так? Стало-быть, труд лиц, много поработавших над выяснением и проведением в жизнь вопроса о детском чтении, труд всех, пером своих служащих интересам подрастающего поколения, пропал даром? По-видимому, да. И значение почтенного совместного труда их до тех пор будет мало заметно, пока радикально не будет изменена современная постановка детского чтения, пока основные истинные законы его будут оставаться мертвой буквой, пока слово будет расходиться с делом, пока так нелепо, бестолково и стихийно будут читать дети, как они это делают теперь. Как бы значителен не был процент хороших, попадающих в детские руки книг, как бы старательно не устранялись книги заведомо дурные, чтение детей даст лишь незначительные хорошие результаты, пока руководить им будет не разумная рука, не присутствующее каждому чувство красоты, а страсть к сильным ощущениям, не рассудок и здравый смысл, а нервы и болезненное воображение, не здоровая любознательность, а низкого разбора любопытство.

< . . . >

4.

Много пишется для детей повестей и рассказов, долженствующих знакомить их с жизнью человека; большую пользу в нравственном отношении должны приносить хорошие беллетристические произведения. И много действительно хорошего имеется по этой части в современной детской библиотеке. Много задушевных, вполне художественных произведений русских авторов, многочисленные прекрасные переводные беллетристические произведения говорят детям о жизни в городах и деревне, о людях бедных и богатых, добрых и злых, о нашей земле и чужой. Они увлекают за собой детей в малоизвестный им мир иной жизни, знакомят их с человеком и заставляют впервые звучать в них струны альтруизма. Их дети много и охотно читают. Что ж, достигают ли они своей благой цели?

Проявляют ли юные читатели их хотя бы некоторое знакомство с жизнью? Выражают ли желание активно содействовать уменьшению столь возмущающего их в книгах зла? Мы видим это только в тех редких случаях, когда ребенок растет и развивается, как хотя и слабый, но активный член общества, принимает хотя бы некоторое посильное участие в текущей вокруг него жизни, умеет отказываться от своей индивидуальности, входит в психическое состояние других, представляет себе чужое горе и радость. Но таких детей ужасно мало. Большинство же из числа наиболее увлекающихся правдивыми задушевными беллетристическими произведениями и проливающими над несчастной долей книжных героев искренние слезы заявляют себя в жизни возмутительными эгоистами, проявляют полнейшее равнодушие ко всем реальным страданиям действительной жизни. Ребенок в современной средней семье является совершенно обособленной единицей. Он спит, ест, учится, играет, читает книжки, говорящие ему о служении ближним, о сострадании и долге, а кругом него кипит жизни, радуются и страдают люди, часто его братья, живет со своими мыслями и заботами служащая ему прислуга, часто, как рыба об лед, для него же бьются его родители. В одном доме с ним ютятся нищета и горе. Он всего этого не видит и не замечает. Ведь только знакомство с действительной жизнью, с настоящими горестями и заботами, слезы, пролитые над участью живых людей, чувство долга, обнимающее всю жизнь и распространяющееся за пределы приготовленного урока, учат, как на деле делать добро.

На чем основывается самостоятельный выбор детьми того или иного беллетристического произведения, понятно каждому, приглядываясь к их чтению. Выбором этим руководит тот же импульс, который заставляет их предпочесть необыкновенные приключения принца Саида простенькой сказке Мамина-Сибиряка, который заставляет их с одинаковым наслаждением читать глубоко правдивый художественный рассказ и фальшивую повесть, коль скоро оба в одинаковой степени действуют на его чувство, щекочат нервы и не тревожат его ленивого мозга.

Таким образом, неправильная постановка детского чтения, предоставленная детям свобода, отсутствие внимания к их неуспешным еще получить правильного развития вкусам, к их неуравновешенным душевным способностям, сначала же влекут за собой два отрицательные явления, красной нитью проходящие через всю последующую жизнь детей: понимая, что чтение должно развивать в них чувство прекрасного, дают им книги, действующие лишь

на податливые и без того излишне и бесплодно развитые в них стороны духа, и этим отвлекают их внимание от истинно художественного, здорового, дающего пищу разуму; разделяя воззрение, что книги должны знакомить с наукой, природой и жизнью, и для этого, поощряя детей к чтению, отвлекают их от науки, и от природы, и от людей. Есть ли такие счастливые дети, которых опытная и разумная рука ведет путем чтения к великим и правдивым целям? И если из 1000 маленьких читателей один представляет это отрадное зрелище, не является ли это скорее делом случая, чем обдуманного педагогического приема?

5.

Дети растут, так или иначе учатся, горизонт их интересов расширяется, и в связи со всем этим и в области чтения они начинают предъявлять иные требования, искать других сюжетов. Сказка перестает удовлетворять их. Известные, успевшие прийтись по вкусу и сделаться привычными ощущения делают то, что в предоставленном теперь им выборе между уже значительной доступной им частью мировой литературы и неисчерпаемой областью, являющейся по своему значению преемником волшебной сказки, они с понятной последовательностью хватаются за вторую. На сцену являются Ж.-Верн, М.-Рид, Г. Эмар, являются Купер и Верисгофер⁵ и масса соблазненных их дешевым успехом их менее талантливых подражателей, имя же им легион. Литература эта мощно овладевает вниманием детей в возрасте от 12 до 15 л., дает неограниченный простор врожденному в них влечению к чудесному. Кто не знает, как читаются все эти обаятельные романы Ж.-Верна и М.-Рида? Кто не видал, с какой ненасытной жадностью 14-летний мальчик глотает книгу за книгой, забывая все окружающее? И теперь, когда уже не одно поколение воспиталось, так-сказать, на чтении Ж. Верна и Ко, можно подвести итоги их влияния и воочию убедиться в громадности и часто непоправимости причиняемого ими зла. Но чтение это имеет многих сторонников.

Что же говорят они в защиту его? Чтение это знакомит детей с природой, научает любить ее, говорят они. Действительно, кто не читал увлекательных, яркими красками написанных страниц, в которых Купер со всею силою своего таланта открывает перед умственным взором читателя всю прелесть и разнообразие природы Америки? Но разве зачитываться этими страницами и в то же время не иметь ни малейшего понятия о том, отчего там природа, жизнь, люди так мало похожи на то, что мы видим вокруг нас, изучать эту

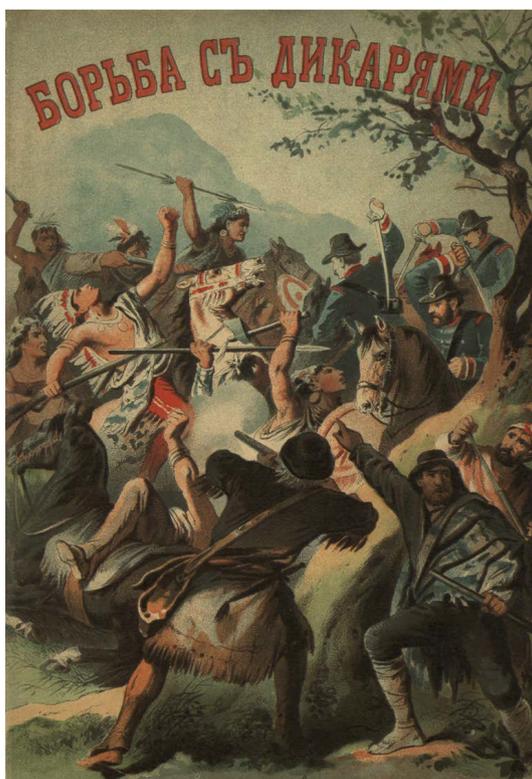

Рис. 1. Купер Д. Ф. Борьба с дикарями: Техас. рассказы Купера, передел. для юношества / пер. с нем. Софии Макаровой. СПб. : Ф. А. Битепаж, [1881]

чудную природу не ради ее самой, а ценить в ней лишь обаятельную рамку, волшебную обстановку, разве это значит познавать природу? И разве ребенок, грезящий во сне и наяву о чудесах тропического мира и не отдающий себе отчета в явлениях, происходящих вокруг него, не замечающий тысячи красот, рассеянных на каждом шагу в окружающей его, хотя и самой убогой природе, — разве он любит природу?

Говорят еще, что чтение это сообщает детям попутно, без всякого труда, много научных сведений. Особенно высоко ставят в этом отношении Ж.-Верн. Достаточно проследить, как читается столь излюбленный детьми Ж.-Верн, чтобы убедиться, что вся популяр-

зуемая ими наука едва, а часто вовсе не касается сознания читателя. Что увлекает мальчика, запоем читающего «Путешествие к центру земли» или «Под водой»? Ему очень мало дела до формаций слоев, через которые проникает устремившееся к центру земли люди, до разных атмосферных явлений; как скучны эти длинные описания пород рыб, на время прерывающие нить захватывающих его всего приключений капитана Немо! Ведь в приключениях героев вся суть, в их ощущениях, в тех необычайных препятствиях и осложнениях, выход из которых вызывает из стесненной груди вздох облегчения. И поспешной, нервной рукой перевертываются, выкидываются несносные, долженствующие якобы расширить научные горизонты страницы, опытным изошрившимся в этом отношении глазом пропускаются те хотя бы и немногочисленные строки, которые к ходу действия непосредственного отношения не имеют. Кое-какие жалкие обрывки знаний, быть может, и западут в ум ребенка, на время займут в нем незначительное, по праву им не принадлежащее место, но они в нем не удержатся. Ничем не пристегнутые к главному основному запасу его знаний, они исчезнут, чтобы уступить свое место другим столь же случайного происхождения впечатлениям. Желать обладать чем-нибудь, не обременяя себя трудом для его приобретения, есть признак слабости, и стараться сообщать детям сведения без всякого труда с их стороны — значит развивать в них слабость воли и деятельность мысли.

Еще говорят, чтение это развивает в детях энергию и предприимчивость, поселяет в них веру в силы и способности человека. Неосновательность этого взгляда кажется мне особенно поразительной. Развивать в детях энергию, отрывая их от действительности, укрепляя их предприимчивость, позволяя им уноситься из существующей жизни в жизнь вымышленную, из мест реальных в места фантастические, от живых людей в общество абстрактных, фальшивых героев, позволяя им мысленно преодолевать невероятные препятствия, а в жизни опускать руки при малейшей неудаче, — это ли не заблуждение! Нет, чтение Ж. Верна, М.-Рида и tutti quanti, то бестолковое, носящее в себе болезненные начала чтение, которое приходится наблюдать среди большинства детей, ни в ком энергии и предприимчивости не разовьет. И те несчастные, мнящие себя героями гимназисты, о которых приходится слышать и читать, которые с двугривенным в кармане и запасом нелепых хаотических житейских и научных понятий в голове покидают родительский кров для того, чтобы бежать в Америку, являются лишь жертвами дурно направленного чтения.

Но не на всех же чтение путешествий действует одинаково, говорят защитники его. Один мальчик действительно зря бежит из родительского дома, но зато другой от чтения такого рода книг перейдет к землеведению, полюбит науку и природу и вступит в реальное познание их. Так ли это? Был ли где-либо и когда-либо хоть один такой счастливый случай? Чтобы полюбить природу и изучать ее, надо непосредственно, а не из книг знакомиться с нею, надо проводить время на полях и лесах, прилагать свои хотя бы и слабые силы для уразумения ее; а на это не хватает ни времени, ни охоты у делящего свой день между школой и книжкой Ж. Верна гимназиста. Все примеры великих людей, увлекавшихся будто бы чтением фантастических путешествий, только подтверждают, что не книги, а сама природа развивает любовь и интерес ко всему совершающемуся в ней. Не из книг, а среди лесов, на охоте, в химической лаборатории, в общении со всем живущим и существующим развивалась любовь к природе Дарвина, Пржевальского, Нансена, явился интерес к познанию ее, окрепли их энергия и предприимчивость, и если страсть детей к чтению путешествий, влечение к необычному так законны и непреодолимы, с чем, конечно, приходится знаться, то рассказывайте и пишите им о жизни и приключениях Дарвина, Франклина, Ливингстона, Пржевальского, Нансена и множества столь же и менее известных путешественников и истолкователей мира Божьего, и вы в жизни и деятельности их найдете достаточно элементов, могущих удовлетворить самое пылкое воображение, самую жгучую страсть к необычному и исключительному. Но рассказ ваш в сравнении с живыми измышлениями Майн-Рида и Эмара будет иметь все преимущества безусловной правды, явится воспроизведением деятельности существующих незаурядных людей, пример которых может действительно подвигнуть на подражание. Талантливо написанной биографии должно быть отведено более почетное место в детской библиотеке, чем то, которое она занимает теперь. Пример великого и доброго не пропадает даром. Действительно жившие великие люди показывают своей жизнью и деятельностью, чем человек может быть; пример их вдохновляет читателя, пробуждает к деятельности, увеличивает мужество, веру и силы.

В устах защитников этого чтения есть еще один, по их мнению, могучий довод: чтение это развивает воображение, а развивать воображение должно, прибавляют они, особенно в наш материальный век. Воображение, присущее каждому человеку, и в детях оно развито особенно сильно. Оно, кроме того, является той способ-

ностью человека, которая в нем особенно самостоятельна и для развития своего не требует со стороны самого человека никаких усилий. Но из двух родов воображения, пассивного и активного, цену имеет только последнее. Его следует развивать, и оно-то так редко себя проявляет, несмотря на совместное влияние подходящего чтения и других факторов. В пассивном воображении человек предается игре представлений без всяких со своей стороны усилий воли. Воображение это постоянно работает в детях; оно тем сильнее, чем слабее деятельность логической мысли, чем слабее воля и рассудок; развиваемое же чтением, оно часто приводит к полной потере логики, воли и рассудка. Среди детей слишком много жертв этой предательской, болезненно извращенной стороны человеческого духа. Она превращает их в своих рабов, лишает их воли настолько, что позднее, когда они рассудком поймут грозящую им опасность и попробуют бороться против деспотизма своего воображения, они в конце концов опустят руки в этой неравной борьбе. Пассивное, ни на что не пригодное воображение заставляет их читать без смысла и пользы; оно оставляет их равнодушными к прекрасному, отвлекает от здорового, сплетает непослушные мысли их в нелепые ассоциации, в которых не участвуют воля и рассудок. Оно заставляет их часы, столь потребные для отдыха и физического развития, просиживать за книгами, оно развинчивает их нервы, с 15 лет лишает их сна; из правдивых детей делает лгунов, наполняет слабые головы их бездной фантастических, отрывочных, случайных мыслей, планов, желаний, из которых часто ни одному не суждено осуществиться, так как оно де отрывает детей от жизни, которая одна может дать нужные для активной деятельности средства. Оно превращает в забаву чтение, которое должно быть обдуманым и серьезным мыслительным процессом; лишая ребенка общества людей, которые могли бы научить его, как употребить свои силы с наибольшей пользой для себя и ближних, оно приучает его к одиночеству, праздной жизни в области фантазии, к крайне опасному для большинства обществу своего собственного *я*. Вот какое воображение развивает одностороннее чтение и к чему ведет взгляд, что со страстью детей к чтению следует мириться. Нужно человеку воображение активное, являющееся основанием всякой самостоятельной творческой деятельности. Нормальное воображение это вытекает из совокупной деятельности всех наших органов чувств, из впечатлений окружающей нас жизни; а потому, чем менее в нем нелепого и фантастического, чем больше пищи доставляет ему все существующее, чем больше участвуют в рабо-

те его ум и воля, тем более приближается оно к понятию, которое называется воображением в лучшем значении этого слова. Воображение это развивается путем знакомства с людьми, с жизнью, природой, со всем прекрасным во всех отраслях искусства и науки. Книги же, расслабляющие мысль, не доставляющие работы уму, дающие волю страстям, лишаящие нравственной свободы, являются сферой, мертвяще действующей на это единственно желанное воображение. Ребенок, не умеющий читать, создающий из чтения процесс досужей случайной игры мыслей и разнузданного воображения, остается и впоследствии верным себе и перерабатывается в соответствующий тип взрослого читателя.

6.

Возраст от 12 до 15 лет самый опасный в смысле успешного развития зла, причиняемого бесконтрольным чтением. Это возраст, когда дети, вообще любят читать, читают с наибольшим рвением; притом это тот переходный от детства к юношеству возраст, в котором все западающие в душу семена пускают особенно глубокие корни. К этому времени ребенок обыкновенно окончательно освобождается от контроля над его чтением семьи, к его услугам являются библиотеки, и он начинает чувствовать себя вполне на свободе. Как же он пользуется этой свободой? Запросы в этом отношении среднего ребенка уже определились. Они сводятся к тому, чтобы иметь чтение, дающее пищу его требующему все большего раздражения воображению, чтение, доставляющее те сладостные минуты волнения и ожидания, которые испытываешь, задавая себе вопросы: «Ах, что будет дальше? Чем-то все это кончится?» Читается все: рядом с Ж. Верном и Верисгофером прочитываются и величайшие перлы мировой литературы, прочитываются Дон-Кихот, Гулливер, Робинзон Крузо, читаются в разнообразных, уродующих великие творения сокращениях, безграмотных переводах, и главное, читаются так же бессмысленно, как и остальное. И юный читатель, увлекающийся необыкновенными приключениями Гулливера или Дон-Кихота, не отдает себе никакого отчета, какое великое творение лежит перед ним, остается глух и слеп для его художественных достоинств, не понимает того значения, которое произведение это имеет в литературе человечества. Он кончит Дон-Кихота и поставит его вновь на библиотечную полку, между прочитанным перед тем Рокамболом и намеченной для чтения «Сказочной страной» Верисгофера, ставя и в понимании своем все это на одну доску, и, к сожалению, слишком часто в последующей жизни своей ни к одной

из книг этих больше не вернется. Истинно прекрасное постигается с трудом, далеко не каждому бросается в глаза и не на каждого производит с первого раза неизгладимое впечатление. Вот почему для развития в детях вкуса в литературе, для развития их художественного чутья и понимания, наконец, для того, чтобы скрасить всю последующую жизнь их теми неоцененными минутами, которые доставляет чтение художественной литературы, важно, чтобы они читали осмысленно художественные произведения, важно останавливать их внимание на таковых, разъяснять им их красоты, учить понимать, ценить и любить их.

Начинает ребенок знакомиться с Гоголем. Прежде всего он хватается за «Вечера на хуторе близ Диканьки», за «Вия», «Ночь перед Рождеством» и пр. О вреде этого чтения для детей распространяться не приходится. Но ведь в повестях этих есть чудные страницы, одни из таких перлов русской литературы, на которых и следует развиваться литературным вкусам ребенка. А между тем эти-то страницы и остаются незамеченными, сплошь и рядом не оставляют никакого следа в сознании самостоятельно читающего ребенка. Кто из детей, зачитывающихся до галлюцинаций «Страшной местию», обращает внимание на встречающиеся там описание Днепра? Многие ли останутся и перечтут описание украинской ночи в «Утопленнице» и многое другое, на чем должно развиваться и крепнуть познание прекрасного?

Многие защитники бесконтрольного детского чтения, доказывая, что всякое чтение, хотя бы чрезмерное, в итоге все же приносит пользу, опираются обыкновенно на примеры из жизни великих людей. Гете зачитывался-де чуть ли не с 4-х-летнего возраста и страшно любил сказки, Шекспир не отрывался от книги, Шелли в период университетской жизни читал по 12 ч. в сутки. Примерам этим числа нет: Байрон, Пушкин, Лермонтов, Диккенс, Руссо, Крылов и великое множество других с самого раннего детства проявляли непреодолимую страсть к чтению, потребность иметь общение с миром, который открывал им книги. Но все примеры эти ничего не доказывают. Не о Гете, Пушкиных и Шекспирах говорю я, ни даже о Помяловских, Пироговых и Герценах. Я говорю о наших обыкновенных средних детях, не отмеченных никаким талантом, о слабых, нервных детях нашего времени, из которых ни одному не суждено вписать свое имя в скрижали истории, но из которых каждый при внимательном к себе со стороны воспитателя отношении может стать полезным членом общества. Одно из отличительных свойств великих людей заключается в том, что для той роли, которую им

предназначено сыграть в жизни человечества, воспитание их, то или иное руководство и система не имеют никакого значения. Всегда и везде, при всех условиях и обстоятельствах дарованная им мощь духа, вложенные в них сокровища ума и таланта проявят себя и расчистят себе дорогу. А если воспитание или условия жизни и оказали дурное влияние на некоторых из них, не сделали из них человека в лучшем значении этого слова, то благодарному человечеству нет до этого никакого дела. К тому же каждый, кто знаком с тем, *как* и *что* читали и читают выдающиеся сыны человечества, поймут, что между их чтением и чтением детей, о которых я говорю, нет ничего общего. Чтение людей исключительно талантливых есть сознательный и необходимый в их жизни акт, посредством которого они сообщаются с коллективным умом всего человечества и ищут в нем удовлетворения ненасытной пытливости своего ума и широкого развитого в каждом из них чувства прекрасного. Эта-то пытливость ума, это верное понимание красоты, наконец, сродство их духа с духом других отмеченных перстом божьим людей заставляют их из всей массы находящегося в их распоряжении чтения выбирать прекрасное и великое и в нем находить удовлетворение. И мы видим, что Гете в 9 лет зачитывался «Телемаком», Овидием, «Илиадой» и «Одиссеей», Шиллер в детстве прочел Virgiliya, Горация, оценил Шекспира; Шелли в 11 лет увлекался Платоном, а любимым чтением малолетнего Лермонтова был Байрон. Аналогичные примеры можно привести из жизни всех великих людей без исключения. Все они с детства читали величайшие произведения гениев всех времен и народов, всю жизнь не расставались с ними, постоянно к ним возвращались, духовно перерабатывали и в общении с ними сами крепили духом и вдохновением.

<...>

Серьезное, систематическое и разумное домашнее чтение, это столь горячо теперь пропагандируемое могучее средство к самообразованию, росту и развитию общества, связано по рукам и по ногам потому, что большинство из наиболее стремящихся к самосовершенствованию не имеет привычки к серьезному толковому чтению, так как привычку эту можно приобрести лишь в детстве.

В вопросе детского чтения воспитателю необходимо войти в духовный мир детей, наложить свое veto на царящие здесь произвол и свободу. Необходимо следить за тем, чтобы неуклонное и постепенное знакомство детей лишь с прекрасным в области чтения, это необходимейшее условие чтения, для того, чтобы оно действи-

тельно было воспитательным средством, получило бы самое широкое распространение в семье и в школе. Для этого надо удалять от детей все, что не вполне удовлетворяет непреложным законам истины, все интересное в пошлом значении этого слова, все, действующее на одно воображение, праздное любопытство, а не на лучшие дремлющие в каждом человеке, но требующие развития другие стороны духа. Надо значительно урезать число вращающихся в детских руках сказок, изгнать всю литературу, не имеющую другого *raison d'être*, как занять, бесцельно развлечь детей, надо значительно сократить число фигурирующих в школьной программе томов Ж. Верна, Г. Эмара и с их легкой руки донельзя расплодившихся авторов, и надо сделать роль, которую играют в библиотеке этой Пушкин и Гоголь, Гете и Шиллер, словом, писатели, составляющие славу и красу нашей и иностранной литературы, более почетной и осмысленной. Надо постараться вернуть книге то уважение, которое она в последнее время утратила в глазах детей. Для этого надо затруднить доступ ребенка к книге. Пусть у него лучше будет одна книга, которую он полюбит, прочтет несколько раз, к которой вернется в минуты уныния и скуки, чем 10 книг, которые он прочтет и забудет или поверхностно перелистает; пусть читает он как можно меньше, но читает лишь то, в чем принимает участие его ум и суждение, что способствует расцвету всех его лучших сторон человеческого духа. Главное же, надо установить тесную и неразрывную связь между чтением детей, с одной стороны, и жизнью и школой — с другой; надо следить за тем, чтобы книги, долженствующие знакомить с жизнью, не отвлекали от более могучего учителя — самой жизни, служили бы лишь дополнением, иллюстрацией к ней, чтобы прочитанное ребенком находилось в постоянной ассоциации с его личными и самостоятельными наблюдениями и мыслями; чтобы литература, долженствующая расширить научный кругозор его, не являлась бы для него чуждым, случайным элементом, а вытекала бы логично из усвоенного в школе и давала бы детям связную систему знаний и представлений, стройное мировоззрение.

<...>

Если бы удалось упорядочить, урегулировать детское чтение, подчинить его разумной воле воспитателя, лишить его той случайности и беспочвенности, которые столь властно проявляют себя в этом деле теперь, то результаты этого поворота сказались бы очень скоро. Чтение стало бы тогда действительно одним из самых могучих и благотворных факторов воспитания, правой рукой

школы научной и житейской; оно приводило бы неминуемо к высокой цели — развитию в людях разума, сердца, чувства правды и красоты.

Примечания

- ¹ Доклад, прочитанный 11 марта 1897 г. в заседании Отдела критики и библиографии детской литературы Педаг. Музея В. У.З. Прим. Е.Тихеевой
- ² Речь идет о сборнике французской писательницы Жорж Санд «Бабушкины сказки» (первое издание на русском языке вышло в 1874 г.). Здесь и далее прим. редакции.
- ³ Александра Анненская (1840–1915) — педагог, детская писательница и переводчица. Автор беллетризованных биографий писателей, издававшихся для детей Ф. Ф. Павленковым в биографической серии Марко Вовчок (1834–1907, настоящее имя Мария Маркович) — украинская писательница, переводчица, занималась сбором и исследованием этнографических материалов в Украине. Большую популярность получили написанные ею исторические повести и рассказы для детей. Евгения Тур (1815–1892, настоящее имя Елизавета Салиас-де-Турнемир) приобрела известность как автор повестей из жизни светского общества и исторических повестей для детей, журналистка, критик и издательница собственного журнала «Русская Речь» (1861). Николай Вагнер (1829–1907) — писатель, профессор зоологии в Казанском университете, автор одного из самых известных сборников сказок «Сказки Кота-Мурлыки» (1872).
- ⁴ Игнатий Потапенко (1856–1929) — русский прозаик и драматург, публиковался в журнале «Детский отдых» и «Жаворонок». Алексей Сливицкий (1850–1913) — детский писатель, преподаватель. Автор рассказов для детей о дружбе между животным и человеком. Павел Засодимский (1843–1912) — детский писатель, автор многократно издававшегося двухтомника «Задушевные рассказы» (1883–1884). Дмитрий Кайгородов (1846–1924) — ученый-натуралист, профессор Санкт-Петербургского лесного института, публиковался в журналах «Родник», «Семейные вечера» и «Игрушечка».
- ⁵ Софи Верисгофер (1838–1890) — немецкая писательница. Автор приключенческих повестей и рассказов для детей. Публиковалась под псевдонимами Софи Андресен, Карл Верисгофер, S. Fischer, A. Harder, W. Höffer, Sophie von der Horst, K. Horstmann, W. Noeldechen.